

В.Г. Белинский

Собрание сочинений

Том 1. 1834 - 1840

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.Г. Белинский**
Собрание сочинений: Том 1. 1834 - 1840 / В.Г. Белинский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 583 с.

ISBN 978-5-517-99700-5

В трех томах.
Под редакцией Иванова-Разумника, с его вступительными заметками к каждой статье Белинского, примечаниями и историко-критическим и биографическим очерком.
С приложением портрета Белинского и именного алфавитного указателя ко всем трем томам.

ISBN 978-5-517-99700-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Отъ издателя.

Русская критика—это собраніе всего того, что дала русская общественная мысль. въ преимствениости ея выразителей, по вопросамъ социальнымъ, философскимъ, историко-литературнымъ и художественной оцѣнкѣ родной литературы. Бѣлинскій, Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ, Михайловскій и многіе другіе менѣе выдающіеся критики—выразители пдей и духа лучшей части общества своего времени. Нельзя изучить исторію русскаго общества и литературы безъ основательнаго знакомства съ ихъ произведеніями. Но чѣмъ на большемъ отдаленіи отъ насъ дѣятельность того или другаго критика, тѣмъ труднѣе это знакомство для всякаго, кто не имѣетъ серьезныхъ знаній въ области матеріала, представляемаго критикомъ. Поэтому многія сочиненія нашихъ критиковъ не пользуются той широкой популярностью, какую они должны бы имѣть въ дѣйствительности. Въ предыдущія изданія сочиненій нашихъ критиковъ не были до сихъ поръ вполне припоровлены къ запросамъ современнаго читателя.

Все это побудило насъ приступить къ изданію совершенно новой „Библиотеки русскихъ критиковъ“, отличительной особенностью которой являются обширные комментаріи редактора-спеціалиста по изученію творчества того или другаго критика. Разумѣется, первымъ номеромъ этой „Библиотеки“ долженъ быть Бѣлинскій. Съ него она и начинается. 17 ноября 1911 года выпущенъ второй номеръ—первое полное собраніе сочиненій Н. А. Добролюбова, подъ редакціей М. К. Лемке.

Отъ редактора.

Настоящее собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго составлено по совершенно особому плану. Особенности его заключаются въ слѣдующемъ:

Каждая статья Бѣлинскаго сопровождается вступительной замѣткой редактора, достигающей иногда размѣра большой статьи (см., напр., №№ 56 и 66): рядъ этихъ вступительныхъ замѣтокъ связываетъ все статьи Бѣлинскаго въ одно развѣивающееся цѣлое: въ общей сложности все эти замѣтки занимаютъ свыше двадцати печатныхъ листовъ обычнаго формата, т.-е. составляютъ цѣлую книгу. Появленіе въ сознаніи Бѣлинскаго новыхъ проблемъ: новое рѣшеніе старыхъ вопросовъ: перемена философскихъ, критическихъ и историко-литературныхъ сужденій; обстоятельства, сопровождавшія появленіе статей Бѣлинскаго; библиографическія указанія—все это составляетъ содержаніе вступительныхъ замѣтокъ. Многочисленныя примѣчанія къ тексту являются непосредственнымъ дополненіемъ къ этимъ замѣткамъ. Наконецъ, во вступительномъ біографическомъ очеркѣ намѣчена та общая связующая нить, которая проходитъ черезъ все три тома и соединяетъ все статьи Бѣлинскаго въ одно неразрывное цѣлое. Все эти три тома являются поэтому одной цѣльной книгой о Бѣлинскомъ.

Весь матеріалъ удачно распредѣлился въ трехъ томахъ: первый томъ заключаетъ въ себѣ статьи Бѣлинскаго съ 1834 по 1840 годъ, статьи эпохи его шеллингианства, фихтианства и гегелианства, до момента перваго духовнаго кризиса Бѣлинскаго: во второмъ томѣ помѣщены статьи съ 1841 по 1845 годъ, статьи второй эпохи—эпохи его „соціальнойности“ вообще и социализма въ частности, до второго перелома міровоззрѣнія Бѣлинскаго: наконецъ, въ третьемъ томѣ находятся статьи третьей и послѣдней эпохи его жизни и дѣятельности, съ 1846 по 1848 годъ. Статьи расположены въ хронологическомъ порядкѣ—за двумя-тремя исключеніями, причины которыхъ указаны въ текстѣ (см. ст. №№ 24, 29): главнымъ исключеніемъ являются знаменитыя статьи о Пушкинѣ, печатавшіяся въ „Отеч. Запискахъ“ 1843—1846 гг. Мы сочли необходимымъ соединить ихъ въ одно цѣлое и отнести ихъ въ третій томъ, къ 1846 году: впрочемъ, подъ каждой отдѣльной статьей Бѣлинскаго мы всюду отмѣтили годъ ея появленія. Замѣтимъ кстати, что года написанія и напечатанія статей Бѣлинскаго болѣею частью совпадаютъ: Бѣлинскій обыкновенно донписывалъ вторую половину статьи въ то время, когда первая была уже въ типографіи (см. біографическій очеркъ). Совпаденія этого не бываетъ только въ декабрьскихъ статьяхъ Бѣлинскаго: такъ, напримѣръ, статья „Русская литература въ 1840 году“ помѣчена нами 1841 годомъ, такъ какъ появилась въ январскомъ №-рѣ „Отеч. Записокъ“ за 1841 г.; написана же она въ декабрѣ 1840 года. Отмѣтимъ также, что въ статьяхъ, не появившихся въ печати при жизни Бѣлинскаго (см. №№ 28, 29, 59, 64), нами поставлены года ихъ написанія.

Въ выборѣ статей мы руководствовались слѣдующими соображеніями: дать все, что характеризуетъ развитіе философскихъ и соціальныхъ воззрѣній Бѣлинскаго, а также—и главнымъ образомъ—его историко-литературныхъ сужденій. Бѣлинскій—первый и величайшій нашъ историкъ литературы, и мы постарались включить въ настоящее изданіе почти все, что имѣетъ отношеніе къ этому вопросу, не забывая однако, что фундаментомъ всюду являются соціально-философ-

скія воззрѣнія Бѣлинскаго. Можемъ смѣло сказать, что изъ статей, вошедшихъ въ настоящее изданіе, нельзя вычеркнуть ни одной безъ ущерба для полноты характеристики Бѣлинскаго и его отношеній къ современной ему эпохѣ и литературѣ; наоборотъ, можно было бы прибавить еще двѣ-три статьи изъ богатаго литературнаго наследія, оставленнаго намъ великимъ критикомъ. Но въ этомъ отношеніи редакторъ не могъ выйти за границы *ста* печатныхъ листовъ большого двухколоннаго формата (размѣръ настоящаго изданія); надо однако замѣтить, что размѣръ этотъ составляетъ приблизительно *двести* печатныхъ листовъ обычнаго формата, т.-е. около шестнадцати—восемнадцати томовъ обыкновеннаго in 8-vo. Границы эти достаточно широки, чтобы въ нихъ можно было включить все характерное для В. Г. Бѣлинскаго.

Всѣ статьи даны въ полномъ видѣ, безъ какихъ бы то ни было сокращеній (два исключенія и причины ихъ указаны нами въ текстѣ, — см. ст. №№ 10 и 30); къ концу третьяго тома приложенъ алфавитный указатель именъ, встрѣчающихся въ статьяхъ Бѣлинскаго. Въ основу текста этихъ статей положенъ *журнальный* текстъ. Въ некоторыхъ статьяхъ, рукописи которыхъ были у Кетчера, редактора перваго собранія сочиненій Бѣлинскаго (1859—1861 гг.), журнальный текстъ оказался менѣе полнымъ, чѣмъ текстъ редакціи Кетчера; въ этихъ случаяхъ мы все же даемъ журнальный текстъ въ примѣчаніяхъ. Текстъ статей первыхъ двухъ томовъ взятъ нами изъ цѣннаго многотомнаго собранія сочиненій Бѣлинскаго редакціи С. Венгерова (съ 1900 по 1910 г. вышло девять томовъ); но текстъ этотъ въ большинствѣ статей снова свѣренъ нами съ журнальнымъ текстомъ. При этомъ мы отказались однако отъ сохраненія особенностей правописанія Бѣлинскаго перваго періода его литературной дѣятельности (Бѣлинскій писалъ тогда, напримѣръ: „возиштаніе“, „мѣлкій“ и т. п.); но всѣ стилистическія особенности нами строго соблюдены. Сохранены всюду, напримѣръ, характерныя для Бѣлинскаго пѣвучія окончанія на „ію“, „ію“, „ію“, вмѣсто отрывочныхъ современныхъ „ію“, „ей“, „ой“: „суровою нашею дѣйствительностію“, — писалъ, напримѣръ, Бѣлинскій. На цѣломъ рядѣ подобныхъ мелочей не считаемъ нужнымъ останавливаться въ этомъ предисловіи.

Указанное выше изданіе С. Венгерова доведено пока до 1845 года; поэтому весь третій томъ настоящаго изданія впервые дастъ проверенный журнальный текстъ статей Бѣлинскаго 1846—1848 гг. Впервые появляется точный текстъ „пушкинскихъ статей“ Бѣлинскаго, восстановленъ цѣлый рядъ пропусковъ въ редакціи Кетчера, указаны цензурныя купоры во всѣхъ этихъ статьяхъ и т. п. Наконецъ, впервые печатается неизвѣстная доселѣ статья Бѣлинскаго (вторая часть ст. № 59), почему-то не вошедшая въ изданіе подъ редакціею Кетчера, а значить и во всѣ послѣдующія изданія. Таковы общія особенности настоящаго изданія; некоторые частности читатель найдетъ еще въ нашихъ вступительныхъ замѣткахъ.

Послѣ выхода въ свѣтъ *перваго* изданія настоящаго собранія сочиненій Бѣлинскаго, намъ удалось ознакомиться съ письмами Бѣлинскаго къ Боткину, Бакунину и др., хранящимися въ архивѣ А. Н. Пыпина (см. нашу книгу „Великія исканія“). Въ настоящемъ, *второмъ* изданіи, многія мѣста въ біографическомъ очеркѣ и вступительныхъ замѣткахъ дополнены цитатами изъ этихъ еще неопубликованныхъ полностью писемъ Бѣлинскаго; исправлены всѣ недосмотры перваго изданія, всѣ „дополненія“ внесены въ текстъ. Изданіе это, повторяю еще разъ, является неразрывной, связной, единой „книгой“; біографическій очеркъ, статья, примѣчанія къ нимъ, вступительныя замѣтки—все это вмѣстѣ составляетъ одно неразрывное общее: всѣ эти три тома—одна цѣльная *книга о Бѣлинскомъ*.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.

«...Знаете ли вы, что такое ревность по Господу, снѣдающая чело-
вѣкъ? Что чело-вѣкъ безъ Бога?—
Трупъ холодный. Его жизнь въ Богѣ,
въ Немъ онъ и умираетъ, и воскре-
саетъ, и страдаетъ, и блаженствуетъ.
А что такое Богъ, если не понятіе
чело-вѣка о Богѣ?...»

Бѣлинскій.

Въ послѣдней четверти XVIII вѣка въ селѣ *Бѣльни*, Пензенской губерніи, былъ священникомъ пѣкій о. Никифоръ, по позднѣйшимъ семейнымъ преданіямъ—праведникъ, аскетъ, подвижникъ. Сынъ его, Григорій Никифоровичъ, получилъ въ семинаріи фамилію *Бѣлинскій*; окончивъ въ послѣдствіи петербургскую медицинскую академію, онъ служилъ (съ 1809 по 1816 годъ) въ балтійскомъ флотѣ врачомъ. Онъ женился тамъ на дочери флотскаго офицера; въ Свеаборгѣ у нихъ родился сынъ—Виссаріонъ. Черезъ три съ половиной десятка лѣтъ послѣ этого событія, В. Г. Бѣлинскій писалъ своему другу Боткину въ мартѣ мѣсяцѣ 1846 года: „мая 30-го... ступнетъ мнѣ тридцать шесть лѣтъ“; такимъ образомъ самъ Бѣлинскій считалъ днемъ своего рожденія 30 мая 1810 года. Онъ ошибался и въ днѣ и въ годѣ своего рожденія: въ настоящее время документально установлено, что Бѣлинскій родился 1-го іюня 1811 года ¹⁾.

Когда маленькому Виссаріону минуло пять лѣтъ, отецъ его перешелъ на службу въ свои родные края—въ захолустный (хотя и уѣздный) городъ Пензенской губерніи

Чембарь. Здѣсь Виссаріонъ Бѣлинскій провелъ свои дѣтскіе годы; здѣсь, въ 1820 году, онъ поступилъ въ чембарское уѣздное училище и пробылъ въ немъ до 1825 года, когда его отпразднили въ пензенскую гимназію. Нерадостнымъ было дѣтство Бѣлинскаго, и оно во многихъ отношеніяхъ наложило свою печать на нѣкоторыя черты его характера... Тридцать лѣтъ спустя самъ онъ объяснялъ свою робость, свою конфузливость и свою боязнь людей—впечатлѣніями ранняго дѣтства. „Вспомнилъ я рассказъ матери моей,—писалъ Бѣлинскій Боткину 16 апр. 1840 г.:—она была охотница рыскать по кумушкамъ, чтобы чесать язычекъ; а я, грудной ребенокъ, оставался съ нянькою, напятаю дѣвкою; чтобъ я не беспокоилъ ее своимъ крикомъ, она меня душила и била... Впрочемъ, я не былъ груднымъ: родился я больнымъ при смерти, груди не бралъ и не зналъ ея... Потомъ: отецъ меня терпѣть не могъ, ругалъ, упижалъ, придирался, билъ нещадно и площадно—вѣчная ему память. Я въ семействѣ былъ чужой“... Въ юности Бѣлинскій платилъ за это отцу ненавистью и, будучи уже гимназистомъ, „декламировалъ свою ненависть къ отцу отчаянно-восторженными возгласами героевъ Шиллера“ ¹⁾. Врядъ-ли эта ненависть была

¹⁾ См. письмо Д. П. Иванова къ А. Н. Пышину отъ 16 іюня 1876 года (помѣщено въ книгѣ Пышина „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“, изд. 2-ое, 1908 г., стр. 640—1); см. также „Русскую Старину“ 1899 г., № 4, стр. 200—1. Всѣ эти свидѣтельства устанавливаютъ годъ рожденія Бѣлинскаго; день установленъ недавно изысканіями г. Рудакова, вызвавшими однако рядъ возраженій.

¹⁾ Воспоминанія о Бѣлинскомъ родственницѣ его, г-жи Ш., помѣщены въ „Дорожныхъ Запискахъ“ М. Погодина въ газетѣ „Русскій“, 1868 г., № 15.

ниолиъ заслужена: отецъ БѢлинскаго былъ, повидимому, незаурядный человекъ, стоявшій значительно выше окружавшей его уѣздной среды. Въ этой средѣ его не любили за рѣдкость и примоту, за его „вольтеріанскія“ мнѣнія и сужденія; позднѣе, въ 1834 году, одинъ изъ молодыхъ родственниковъ Виссаріона писалъ ему изъ Чембара объ его отцѣ: „человѣкъ благороднѣйшій въ высшей степени, съ чувствами высокими, рожденный съ отличными способностями, но убитый мелочною жизнію въ Чембарѣ, заброшенный въ дикій бурьянъ, въ кругъ людей, между которыми тщетно ты будешь искать слѣдовъ истиннаго человѣчества. И часто былъ свидѣтелемъ благороднѣйшихъ поступковъ его, которые восхищали меня и въ минуту разсѣвали всѣ мои предубѣжденія“. Эти же родственники указываютъ, что тяжелую семейную обстановку семьи БѢлинскихъ во многомъ усложнялъ характеръ матери Виссаріона; она отличалась „неустово-бѣшеннымъ правомъ“, „своеправною независимостію“ и вообще „неумѣреннымъ темпераментомъ“... Мы не останавливались бы на всѣхъ этихъ частностяхъ, если бы онѣ не были такъ важны для пониманія характера „неустоваго Виссаріона“. Дѣйствительно, темпераментъ матери, рѣзкость и прямота отца, и, наконецъ, религиозный экстазъ подвижника-дѣда—все это въ новыхъ формахъ и съ новой силой воскресло въ „неустовомъ“, прямодушномъ, вѣчномъ подвижникѣ, вѣчною искательнѣ истинной религіи Виссаріонъ БѢлинскій.

Въ одной изъ статей БѢлинскаго 1839 года (о „Милордѣ Англическомъ“) мы встрѣчаемъ интересное автобіографическое отступление, якобы заимствованное изъ „рукописныхъ мемуаровъ“ нѣкоего „добраго пріятели“; этотъ alter ego БѢлинскаго вспоминаетъ „золотые годы своего дѣтства“; „я снова—пишетъ онъ—становлюсь ребенкомъ, и вотъ уже, съ бѣющимъ сердцемъ бѣгу по пыльнымъ улицамъ моего родного городка, вотъ вхожу на дворъ родимаго дома съ тесовою кровлею, окруженнаго бревенчатымъ заборомъ... Вотъ отъ воротъ до крыльца треугольный палисадникъ, съ акаціями, черемуховымъ деревомъ и купою розановъ... Вотъ и огородъ, которому со двора служатъ оградой погребъ и другія службы, съ небольшими промежутками частокола, а съ остальныхъ трехъ сторонъ—плетень... Вотъ и маленькая баня при входѣ въ огородъ, даже и среди бѣлаго дня пугавшая мое дѣтское воображеніе своею таинственною пустотою... А вотъ, возлѣ нея, и стогъ сѣна, на которомъ я часто воображалъ себя то Александромъ Македонскимъ, то Ерусланомъ Лазаревичемъ... А въ домѣ—тамъ нѣтъ ни комнаты, ни мѣста на чердакѣ, гдѣ бы я не

читалъ, или не мечталъ, или позднѣе не сочинилъ“... Читать и мечтать—вотъ въ чемъ, очевидно, находилъ спасеніе отъ семейной обстановки не по возрасту задумчивый и (по впечатлѣнію Лажечникова) не по лѣтамъ умный ребенокъ. Изъ той же автобіографической статейки видно, какія книги прежде другихъ попались подъ руку маленькому Виссаріону, когда онъ „уже бойко читалъ по-толкамъ, хотя еще и не умѣлъ писать“: это были „Бова“ и „Еруслаиъ“ *гражданскою печатію*, „Зеркало Добродѣтели“ съ раскрашенными картинками, „Повѣсти и романы господина Волтера“, и, наконецъ, неизбѣжный „Милордъ Англической“, жадно прочитанный въ огородѣ, между грядками бобовъ и гороха.

Но вотъ пачинается періодъ школьнаго ученія—въ чембарскомъ уѣздномъ училищѣ: девятилѣтнимъ ребенкомъ поступилъ туда Виссаріонъ БѢлинскій и четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ окончилъ въ немъ „курсъ наукъ“. Каковы были въ это время литературные вкусы мальчика, что онъ читалъ, чѣмъ увлекался? Отвѣтъ на это опять-таки дають слова самого БѢлинскаго въ одной изъ рецензій 1835 года (о стихотвореніяхъ нѣкоего Контева): БѢлинскій снова вспоминаетъ въ ней „золотое время дѣтства, когда,—пишетъ онъ,—еще будучи мальчикомъ и ученикомъ уѣзднаго училища, я въ огромныя кипы тетрадей, неутомимо, денно и ночью, и безъ всякаго разбору, списывалъ стихотворенія *Карамзина, Дмитріева, Сумарокова, Державина, Хераскова, Петрова, Станевича, Богдановича, Максима Невзорова, Крылова* и другихъ, когда я плакалъ, читая БѢдную Лизу и Марьину рошу, и вмѣнялъ себѣ въ священнѣйшую обязанность бродить по полямъ при томномъ свѣтѣ луны, съ понурымъ лицомъ à la Эрастъ Чертополоховъ“... Этотъ же періодъ „неутомимаго“ чтенія и списыванія прочитаннаго „въ огромныя кипы тетрадей“ продолжался и въ 1825—1828 году, когда юноша БѢлинскій продолжалъ свое ученіе въ пензенской гимназіи; до насъ дошла одна изъ такихъ тетрадокъ даже времени студенчества БѢлинскаго (1831 г.). Въ гимназическую эпоху своей жизни БѢлинскій—ему было тогда 14—17 лѣтъ—продолжалъ восхищаться старой русской литературой; самъ онъ впоследствии вспоминалъ, что въ это время зналъ наизусть „Димитрія Самозванца“ Сумарокова и вообще восхищался русской литературой XVIII вѣка¹⁾.

¹⁾ Однако уже въ 1829 году, только-что пріѣхавшій въ Москву БѢлинскій, описывая отцу университетскую бібліотеку и стоящіе въ ней бюсты „великихъ гениевъ“—Ломоносова, Державина, Карамзина, замѣчаетъ тутъ же: „жалко, что между помянутыми бю-

Какимъ образомъ отъ этой литературы онъ перешелъ къ восторженному преклоненію предъ Пушкинымъ—объ этомъ самъ онъ подробно разсказалъ въ своемъ обзорѣ русской литературы за 1841 годъ: переходъ этотъ былъ эволюціей отъ Державина къ Пушкину черезъ Жуковского. (Замѣтимъ въ скобкахъ, что къ этому же времени относится сильное вліяніе на юношу-Бѣлинскаго сочиненій кн. В. Одоевскаго: чтеніе ихъ было для Бѣлинскаго „правственнымъ ударомъ“, оставившимъ въ его душѣ „самыя благодатныя слѣдствія“... См. наст. изд. т. II, стр. 868 и 874). „Я въ дѣтствѣ зналъ Державина наизусть,—вспоминаетъ Бѣлинскій,—и мнѣ трудно было изъ міра его напряженно-торжественной поэзіи, бѣдной содержаніемъ, лишенной всякой художественности, всякой виртуозности, перейти въ міръ поэзіи Пушкина... Для моего дѣтскаго воображенія, поставленнаго державинскою поэзіею на ходули, поэзія Пушкина казалась слишкомъ простою, слишкомъ кроткою и лишенною всякаго полета, всякой возвышенности... Переходъ отъ Державина къ Жуковскому для меня былъ очень легокъ: я тотчасъ же очаровался этимъ мистическимъ міромъ внутренней, задушевной поэзіи, любилъ ее исключительно; но Державинъ все-таки оставался, въ моемъ понятіи, идеаломъ истиннаго поэта. Только постепенное духовное развитіе въ лонѣ пушкинской поэзіи могло оторвать меня отъ глубоко вкоренившихся впечатлѣній дѣтства и довести до сознанія тайны, сущности и значенія истинной поэзіи“ (подробнѣе см. наст. изд. т. II, стр. 256—257). И разумѣется, въ пушкинской поэзіи на юношу-Бѣлинскаго наиболѣе сильное впечатлѣніе должны были произвести его первыя поэмы и стихотворенія; когда въ 1827 г. появилась въ печати сцена изъ „Бориса Годунова“ (Пиментъ и Григорій), то Бѣлинскій встрѣтилъ ее „непривѣтно“, по воспоминанію тогдашняго наставника Бѣлинскаго, М. Попова, одного изъ учителей пензенской гимназіи. Этотъ же учитель (впослѣдствіи видный чиновникъ знаменитаго III отдѣленія) разсказываетъ, что Бѣлинскій и въ то время не подавался на чужія мнѣнія; не соглашаясь съ какимъ-либо изъ критическихъ мнѣній, онъ или отмалчивался, или говорилъ: „дайте, подумаю; дайте еще прочту“; если же соглашался, то отвѣчалъ съ *страшной увѣренностію*: „совершенно справедливо!“ *Съ страшной увѣренностію*—это удивительно мѣткое опредѣленіе остается всецѣло примѣнимымъ рѣшительно ко всѣмъ критическимъ сужденіямъ всей дѣятельности великаго критика.

стали великихъ писателей стоятъ бюсты площаднаго Сумаронова, холоднаго, напыщеннаго и сухого Хераскова“.

Такъ развивались литературные взгляды, вкусы и мнѣнія юноши-Бѣлинскаго. Само собою разумѣется, что въ это же время онъ пробовалъ свои силы и въ различныхъ „сочиненіяхъ“, прежде всего—въ стихотворныхъ опытахъ. „Еще будучи ученикомъ уѣзднаго училища, я писалъ баллады и думалъ, что онѣ не хуже балладъ Жуковского“,—вспоминалъ впослѣдствіи Бѣлинскій въ цитированной выше рецензіи 1835 года; но и значительно раньше, въ письмѣ къ извѣстному намъ М. Попову (отъ 30 апрѣля 1830 г.), студентъ Бѣлинскій говоритъ, какъ о давно-прошедшемъ, о томъ времени, когда онъ, „бывши во второмъ классѣ гимназіи (это было въ 1826—1827 гг.—И.Р.)... писалъ стихи и почиталъ себя опаснымъ соперникомъ Жуковского“... Къ сожалѣнію, изъ этихъ раннихъ опытовъ Бѣлинскаго до насъ не дошло ни одного ¹⁾, изъ позднѣйшей эпохи его студенчества сохранилось одно очень слабое стихотвореніе, напечатанное въ 1831 г. („Русская быль“). Бѣлинскій пробовалъ перейти къ „смиренной прозѣ“, сталъ писать повѣсти, тоже не дошедшія до насъ; но все это у него „не клеилось“, „шло туго“, по выраженію его учителя М. Попова. И Бѣлинскій, вѣроятно, вскорѣ самъ созналъ бесплодность этихъ своихъ юношескихъ попытокъ; онъ созналъ, что ему прежде всего нужно „ученье, ученье и ученье“... И вотъ онъ бросаетъ въ концѣ 1828 года пензенскую гимназію и ѣдетъ въ Чебарь, чтобы тамъ на свободѣ подготовиться къ вступительному университетскому экзамену. А тѣмъ временемъ его уже официально исключаютъ въ мартѣ 1829 г. изъ гимназіи „за нехождение въ классъ“...

Не легко было Бѣлинскому осуществить эту свою мечту о поѣздкѣ въ Москву и поступленіи въ университетъ: „съ большимъ грѣхомъ удалось мнѣ съѣхать“,—говоритъ Бѣлинскій въ письмѣ къ родителямъ (отъ начала сентября 1829 г.). Наибольшимъ препятствіемъ было, разумѣется, отсутствіе денежныхъ средствъ у родителей Бѣлинскаго; обращаясь нѣсколько позднѣе къ отцу съ просьбой о высылкѣ 12—13 рубл. (54 р. ассигн.), Бѣлинскій пишетъ: „копечно, (эта) сумма для васъ не маловажная“ (письмо отъ 2 окт. 1829 г.). При такихъ условіяхъ много трудностей надо было преодолѣть юношѣ-Бѣлинскому, много униженій испытать; и самъ

¹⁾ Въ интересной статьѣ *Н. Рыбкина* „Материалы къ біографіи Лермонтова и Бѣлинскаго“ („Ист. Вѣстн.“ 1881 г., № 10) приводится одно стихотвореніе якобы Бѣлинскаго изъ его „Записной Книжки“ на 1828 г., содержащей въ себѣ рядъ произведеній Батюшкова, Пушкина, Языкова и др.; но это стихотвореніе („Видъ, дохну насъ уношемъ“), подписанное въ книгѣ *В—ій*, принадлежитъ вовсе не Бѣлинскому, а Баратынскому.

онъ говорить, что часто въ его умѣ „невольнымъ образомъ вертѣлся стихъ Долгорукова: о, бѣдность, горько жить съ тобой!“

Но какъ бы то ни было, всѣ препятствія были, наконецъ, преодолены и Бѣлинскому удалось выѣхать въ Москву въ серединѣ августа 1829 года, вмѣстѣ со своимъ богатымъ родственникомъ Владыкинымъ, за лакея котораго Бѣлинскому разъ пришлось себя выдавать... Памятникомъ этого путешествія остался веденный Бѣлинскимъ „журналъ моей поѣздки въ Москву и пребываніе въ оной“¹⁾; въ немъ Бѣлинскій рассказываетъ между прочимъ, что по пути ему встрѣтилась цыганка, предложившая „поворожить“, на что онъ „отъ скуки и для смѣха“ согласился; „между многими глупостями, которыя обыкновенно врутъ сіи пророчицы,—пишетъ Бѣлинскій,—меня чрезвычайно удивили слѣдующія слова: *люди почитаютъ и уважаютъ тебя за разумъ, только языкомъ не сибибайся. Ты ѣдешь получить и получишь, хотя и сверхъ чаянія*“... И если Бѣлинскій ѣхалъ за славой,—а кто изъ юношей не ѣдетъ за пей?—то онъ дѣйствительно получилъ ее, „хотя и сверхъ чаянія“, такъ какъ Бѣлинскому тогда, вѣроятно, и въ голову не приходила ожидающая его дорога...

II.

Послѣ разныхъ огорченій и недоразумѣній Бѣлинскій, наконецъ, сталъ студентомъ московскаго университета. „...Я теперь студентъ,—съ восторгомъ сообщаетъ Бѣлинскій своимъ родителямъ въ сентябрѣ 1829 г.,—состою въ XIV классѣ, имѣю право носить шпагу и треугольную шляпу!“ Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Бѣлинскому удалось попасть въ число „казеннокоштныхъ“ студентовъ и помѣститься въ общежитіи; первое время онъ былъ въ восторгѣ отъ этого обстоятельства, обеспечивавшаго ему жизнь въ Москвѣ. Онъ начинаетъ усердно посѣщать театръ, восторгается Мочаловымъ въ роли Отелло и Карла Моора, восхищается Щепкинымъ; въ отвѣтъ на увѣщательныя письма родителей—не ходитъ въ театръ, а обойти всѣ церкви Москвы—онъ пишетъ (въ январѣ 1830 г.), что, во-первыхъ, „шататься по церквамъ“ ему некогда, такъ какъ у него „чрезвычайно много другихъ, гораздо важнѣйшихъ дѣлъ, которыми должно заниматься“, и что, во-вторыхъ, театръ ему необходимъ: „я пошелъ по такому отдѣленію, которое требуетъ, чтобы имѣть познаніе и толкъ во всѣхъ изящныхъ искусствахъ“... Врядъ ли онъ думалъ при этомъ о критической дѣя-

тельности; вѣроятно же, что онъ мечталъ о лаврахъ автора, произведенія котораго, быть можетъ, будутъ исполняться на подмосткахъ того же театра... И дѣйствительно, въ концѣ этого же 1830 года Бѣлинскій, подъ обаяніемъ „лестной и сладостной мечты о приобрѣтеніи извѣстности“, пишетъ „драматическую повѣсть“ въ пяти дѣйствіяхъ—„Дмитрій Калипинъ“...

Не одно „стремленіе къ славѣ“ побудило Бѣлинскаго взяться за перо драматическаго писателя; онъ питалъ надежды „разжиться казною“ черезъ эту свою трагедію и благодаря этому „сорваться съ казеннаго кошта“, который уже къ концу 1830 года сталъ ненавистенъ Бѣлинскому. „Ежели моя трагедія будетъ имѣть успѣхъ,—писалъ Бѣлинскій въ началѣ января 1831 г.,—то вырученныя за оную деньги употреблю на освобожденіе себя отъ проклятаго, адскаго казеннаго кошта... Ежели первая моя надежда не сбудется, то я погибъ безъ возврата!.. Лучше соглашусь живой провалиться въ адъ и достаться на завтракъ чертямъ, нежели страдать на казенномъ коштѣ“... И вотъ въ концѣ 1830 г. Бѣлинскій заканчиваетъ свою трагедію, начатую, повидимому, значительно раньше. Въ это время въ Москвѣ свирѣпствовала холера, университетъ былъ закрытъ и „казеннокоштные“ были заперты въ немъ съ сентябрю по декабрь въ строгомъ карантинѣ. „Для разсвѣнія отъ скуки,—рассказываетъ въ томъ же письмѣ Бѣлинскій,—я и еще человекъ съ пять затворниковъ составили маленькое литературное общество. Ежедневно было у насъ собраніе, въ которомъ каждый изъ членовъ читалъ свое сочиненіе. Это общество, кончившееся седьмымъ засѣданіемъ, принесло мнѣ ту пользу, что заставило меня окончить мою трагедію, которая безъ этого едва-ли бы когда-нибудь была написана“... Но теперь Бѣлинскій ее закончилъ, прочелъ своимъ товарищамъ; съ ихъ помощью трагедія была переписана на-чисто и представлена авторомъ въ цензуру. Съ самыми радужными надеждами ожидалъ Бѣлинскій цензурнаго разрѣшенія, чтобы немедленно напечатать эту пьесу; онъ рассчитывалъ, что публика „расхватаетъ въ мѣсяцъ“ его трагедію, что это дастъ ему „тысячъ шесть“ денегъ, что произведеніе его „надѣлаетъ шуму“; его тѣшила „лестная, сладостная мечта о приобрѣтеніи извѣстности“... Дѣйствительно, трагедія была напечатана, но не въ 1831 году, а ровно черезъ шестьдесятъ лѣтъ, въ „Сборникѣ Общества Любителей Россійской словесности“ 1891 года.

Причина этого—въ совершенной „нецензурности“ пьесы по николаевскимъ временамъ. Въ этомъ сочиненіи—говоритъ Бѣлинскій въ

¹⁾ Впервые напечатанъ въ „Живописномъ Обзорнѣ“ 1898 г., № 22, въ статьѣ П. Шугаева „Изъ колыбели замѣчательныхъ людей“.

письмѣ къ отцу (отъ 17 февр. 1831 г.),—со всѣмъ жаромъ сердца, пламенѣющаго любовію къ истинѣ, со всѣмъ негодованіемъ души, ненавидящей несправедливости, я въ картинѣ довольно живой и вѣрпой представилъ тиранство людей, присвоившихъ себѣ гибельное и несправедливое право мучить себѣ подобныхъ“... Но этого мало: вся пьеса испещрена самыми „безправственными“ (съ точки зрѣнія николаевской цензуры) сентенціями, въ родѣ того, что „права происхожденія, предки, суть не что иное, какъ предразсудки, постыдныя для челоѣчества“, что церковный бракъ есть „ничтожное условіе, избрѣтенное людьми для собственнаго своего мученія“, что любовь пренебрегаетъ „пустыми обрядами“, что „когда законы противны правамъ природы и челоѣчества, правамъ самаго разсудка, то челоѣкъ можетъ и долженъ нарушать ихъ“... Чего стоило, по николаевскимъ временамъ, хотя бы одно послѣднее оправданіе всякой „революціи“! Все второе дѣйствіе посвящено довольно яркому изображенію помѣщичьяго „тиранства“; на сцену выведена помѣщица Лѣсинская, которая говоритъ сама о себѣ: „не больно люблю баловать проклятое хамово поколѣнье; у меня всякая вина виновата“; стоя въ церкви, она озабочена „житейскими“ мыслями: то нужно достать хорошую плетку для дѣвокъ, то надо отпороть кого-нибудь изъ лакеевъ“...¹⁾ Она нехотя оказываетъ скудную помощь бѣдной „благородной и достойной лучшаго пріема женщинѣ“, и тутъ же щедро одаряетъ и оставляетъ гостить у себя двухъ монахинь. Она твердо убѣждена, что „богатые князья не могутъ быть низкими людьми“ и что съ хамами надо „тиранствовать“, а не то они „на шею сядутъ да поѣдутъ“... Ея „тиранства“, подробно описываемыя въ пьесѣ, вызываютъ гѣвный монологъ героя драмы, Дмитрія Калинина: „кто далъ это гибельное право—однимъ людямъ поработать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище—свободу? Кто позволилъ имъ ругаться правами природы и челоѣчества? Господинъ можетъ, для потѣхи или для разсѣянія, содрать шкуру съ своего раба; можетъ продать его, какъ скота, вымѣнять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, съ матерью, съ сестрами, съ братьями и со всѣмъ, что для него мило и драгоценно!.. Милосердный Боже, Отецъ челоѣковъ! отвѣтствуй мнѣ: Твоя ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ змѣевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питаю-

щихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ и нящихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы“?..

Достаточно этихъ немпогихъ цитатъ, чтобы убѣдиться, что не только пьеса эта не могла въ свое время попасть въ печать, но даже должна была такъ или иначе повредить молодому автору: вѣдь нѣсколькими годами ранѣе отдала же въ солдаты Полежаева за его „безправственную“ поэму „Сашка“. Въ драмѣ Бѣлинскаго мы тоже находимъ достаточное количество „безправственныхъ“ (хотя и въ другомъ смыслѣ) сентенцій и положеній, а рѣзкое обличеніе крѣпостного права, „тиранства“ господъ и вообще все „протестующее“ настроеніе этой драмы дѣлали ее совершенно „цензурной“ въ 1831 году. Но этого мало: „Дмитрій Калининъ“ имѣетъ не одно только общественное значеніе; его замыселъ гораздо глубже. Дѣло въ томъ, что „протестъ“ этой пьесы шель значительно дальше обличенія „тиранства“ помѣщиковъ или отрицанія высшихъ формъ и обрядовъ, стоящихъ на пути свободному чувству челоѣка. Смыслъ драмы неизмѣримо шире, неизмѣримо глубже—онъ заключается въ тяжелой распрѣ челоѣка съ Богомъ, въ „препіи живота со смертію“, какъ гласитъ заглавіе извѣстнаго апокрифа. Это настолько характерно для всего дальнѣйшаго хода развитія Бѣлинскаго, что намъ необходимо нѣсколько подробнѣе остановиться на этой сторонѣ его драмы.

Содержаніе этой драмы очень несложно и въ общихъ чертахъ заключается въ слѣдующемъ. Дмитрій Калининъ—пылкій и „неистовый“ юноша, съ „душою возвышенною, со страстями благородными“, какъ говоритъ опъ самъ о себѣ; „челоѣкъ пылкій, со страстями дикими и необузданными“—какъ рекомендуетъ его самъ Бѣлинскій въ цитированномъ выше письмѣ къ отцу. Этотъ Дмитрій—сынъ дворовыхъ людей, но съ дѣтства воспитывавшійся въ семьѣ своего „владѣльца“, помѣщика Лѣсинскаго, и пользующійся за это ненавистью всѣхъ другихъ членовъ семьи, жены Лѣсинскаго и двухъ его сыновей,—этотъ Дмитрій любитъ дочь своего пріемнаго отца Лѣсинскаго, Софью, и любимъ ею. „Воспламененные любовію“, они не думали о „пустыхъ обрядахъ“ и отдались другъ другу; осталось соединиться въ глазахъ свѣта, путемъ „пустыхъ обрядовъ“. Дмитрій собирается „упасть къ ногамъ“ отца Софьи и своего пріемнаго отца: „я упаду къ его ногамъ, признаюсь ему въ моей виѣ, и онъ, тронутый моимъ раскаяніемъ, моими прсѣбами, соединитъ мою руку съ рукою дочери“; но эти его мечтанія прерываются извѣстіемъ о смерти его пріемнаго отца, объ уничтоженіи „отпускной“ Дмитрія семьей умершаго и о приказаніи Дмитрію вернуться

¹⁾ Въ обрисовкѣ типа Лѣсинской замѣтно вліяніе Фонвизина (Простакова) и Екатерины II („О, время!“—Ханжальни).

изъ Москвы въ деревню Мѣсинскихъ, такъ какъ Софья будто бы выходитъ замужъ за князя, „и такъ какъ... недостаетъ лакеевъ для служенія при свадебномъ столѣ“. Дмитрій, въ отчаяннѣйшій и бѣшенствѣ, появляется на балу у Мѣсинскихъ и въ происшедшей ссорѣ убиваетъ за оскорбленіе — за слово „рабъ“ — одного изъ братьевъ Софьи, жестокаго и злого мучителя крѣпостныхъ. Заключение въ тюрьму, Дмитрій бѣжитъ, чтобы еще разъ повидаться съ Софьей; она уговариваетъ его умереть вмѣстѣ съ нею. Послѣ колебанія, онъ закалываетъ ее; но передъ тѣмъ какъ убить себя, онъ узнаетъ изъ оставленнаго ему пріемнымъ отцомъ письма, что этотъ „пріемный отецъ“ былъ его роднымъ отцомъ, что онъ, Дмитрій, — побочный сынъ Мѣсинскаго. И вотъ Дмитрій Калининъ, кровосмѣситель, братоубійца и убійца своей сестры-супруги — проклинаетъ память своего отца, проклинаетъ весь міръ и закалывается.

Уже изъ этого краткаго изложенія драмы ясно, что сущность ея — вовсе не въ обличеніи „тиранства“, что драма эта ставитъ не столько социальный, сколько этический, философскій и религіозный вопросъ. Этотъ вѣчный вопросъ: *кто виноватъ?* Отвѣтъ на этотъ вопросъ отчасти намѣчается Бѣлинскимъ уже въ эпиграфѣ ко всей драмѣ: *...отъ судьбы защиты нѣтъ*. Но, разумѣется, это не отвѣтъ, это не рѣшеніе: пусть отъ судьбы защиты нѣтъ, это оправдываетъ человѣка; но оправдываетъ ли это Бога? И вотъ мы видимъ, какъ въ душѣ юноши Бѣлинскаго борются два рѣшенія, двѣ мысли, двѣ вѣры: вѣра въ правосуднаго Бога и мысль, что „милосердный Богъ нашъ отдалъ свою несчастную землю на откупъ дьяволу“, какъ говоритъ герой драмы, Дмитрій Калининъ. Вотъ два отвѣта на вопросъ „кто виноватъ?“, два рѣшенія, которыя проходятъ черезъ всю драму. Первое рѣшеніе: преступленія Дмитрія Калинина объясняются „злонравіемъ“ самихъ людей. Ударъ судьбы падаетъ на семью отца Дмитрія — и этотъ отецъ первый, хотя и невольный виновникъ всѣхъ преступленій сына. „...Я проклинаю тебя, низкій сластолюбецъ! — восклицаетъ Дмитрій по адресу давно умершаго отца: — проклинаю тебя и этотъ бѣдственный даръ, эту преступную жизнь, которою тебѣ обязанъ! Я убійца, я кровосмѣситель!.. Я осужденъ на позорную казнь — и всѣмъ этимъ одолженъ тебѣ, мой отецъ!“ И онъ спрашиваетъ себя: „неужели я былъ орудіемъ Божьяго мщенія отцу моему?“ И такъ — вотъ первый виновникъ всего — отецъ Дмитрія; второй виновникъ — самъ Дмитрій, „человѣкъ пылкій, съ страстями дикими и необузданными; его мысли вольны, поступки бѣшены и слѣдствіемъ ихъ была его гибель“ (изъ письма Бѣлинскаго къ отцу отъ 17 февр.

1831 г.). Вотъ первый отвѣтъ, первое рѣшеніе: кто виноватъ? — виноватъ *человѣкъ*, а слѣдовательно Богъ оправданъ. Вторая вѣра, второе рѣшеніе: виноватъ *Богъ*, и слѣдовательно оправданъ *человѣкъ*. Виноватъ Богъ, ибо онъ есть рокъ, судьба, а „отъ судьбы защиты нѣтъ“. И Дмитрій Калининъ готовъ проклясть за это Бога: „...Ты, Существо Всевышнее, скажи мнѣ — насытилось ли моими страданіями, натѣшилось ли моими муками, навеселилось ли моими воплями, упилося ли моими кровавыми слезами?.. Кто сдѣлалъ меня преступникомъ? Можетъ ли слабый смертный избѣжать опредѣленной ему участи? А къъмъ опредѣляется эта участь? О, я понимаю эту загадку!“ Что же понимаетъ Дмитрій Калининъ? Мы уже знаемъ это: онъ думаетъ, что *міромъ правитъ не Богъ, а дьяволъ*... „Вотъ какъ играетъ беспощадная судьба слабыми смертными! — восклицаетъ Дмитрій: — нѣтъ, видно, милосердный Богъ нашъ отдалъ свою несчастную землю на откупъ дьяволу, который и распоряжается ею истинно по-дьявольски!“ Значительная часть третьей картины драмы посвящена столкновенію этихъ двухъ точекъ зрѣнія на Бога, на міръ и на жизнь; Сурскій, резонеръ драмы, добродѣтельный товарищъ Дмитрія, доказываетъ, что „хотя земля и есть поприще страданій большей части людей, однако въ этомъ виноватъ не Богъ, а сами люди, что „ежели они (люди) претерпѣваютъ горести, то для того, чтобы живѣе ощущать радости“, и что, наконецъ, истинно благородные и великодушные люди должны „терпѣть здѣсь, чтобы вѣчно наслаждаться тамъ“. Въ отвѣтъ на все это Дмитрій, предвосхищая мысли и слова Ивана Карамазова, „съ бѣшенствомъ“ восклицаетъ: „терпѣть... терпѣть здѣсь, чтобы вѣчно наслаждаться тамъ! Вотъ истинно-превосходная и вмѣстѣ преутѣшительная философія!.. Какъ!.. Неужели вѣчное блаженство непременно покупается цѣною ужаснѣйшихъ страданій? Дорого же оно приходится!“ („...Слишкомъ дорого опѣнили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за входъ!“ — воскликнетъ черезъ полвѣка Иванъ Карамазовъ). И въ отвѣтъ на всѣ другіе доводы Сурскаго Дмитрій упорно отвѣчаетъ отрицаніемъ „довѣренности къ Промыслу“ и даже „хулою на Бога, какъ на тирана, который утѣшается воплями своихъ жертвъ, который упивается ихъ слезами“... Но такой Богъ, очевидно, уже не Богъ, а дьяволъ, которому міръ отданъ на откупъ Богомъ...

Но какъ же рѣшаетъ эту вѣчную тяжбу между *человѣкомъ* и Богомъ самъ юноша Бѣлинскій? Кто онъ — Сурскій или Калининъ? И кто же виноватъ — Богъ или *человѣкъ*? Калининъ такъ и не рѣшилъ этого вопроса; онъ